

Стародворская Е. В. Иронические метаязыковые выражения и отношения между коммуникативными инстанциями повествовательного текста (на примере прозы Ю. Тувима) / Е. В. Стародворская, М. Рапач-Долишня // Научный диалог. — 2015. — № 11 (47). — С. 119—130.

УДК 821.162.1:82-7

Иронические метаязыковые выражения и отношения между коммуникативными инстанциями повествовательного текста (на примере прозы Ю. Тувима)

© **Стародворская Екатерина Вениаминовна (2015)**, старший преподаватель, кафедра русского языка и общего языкознания, Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия), starodvor@gmail.com.

© **Рапач-Долишня Малгожата (2015)**, преподаватель, кафедра сервиса и сервисных технологий, Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия), starodvor@gmail.com.

Исследуется феномен вербальной иронии. Она рассматривается как сложное и многоаспектное явление, реализуемое в тексте при помощи широкого репертуара языковых и речевых средств разных уровней. Показано, что подавляющее большинство иронических высказываний так или иначе предполагают реакцию на некоторое реально созданное или воображаемое речевое произведение. Авторы исходят из того, что человеческое сознание — главная мишень иронии — эксплицируется возможным для рассмотрения и оценки образом именно в речи. Уделяется внимание ироническим метаязыковым выражениям, описывающим чью-либо цитату (высказывание) и оценивающим ее как репрезентацию мировоззрения определенного типа. Такие иронические выражения номинируют речевое действие, речевое произведение, реакцию на него и одновременно выражают отношение к высказыванию и связанному с ним сознанию, определенным образом характеризуют последнее. Доказывается, что субъект речи (или тот, кто соглашается

с комментируемым высказыванием) противопоставлен комментатору, извлекающему на поверхность истинные интенции первого. Описываемая ситуация рассматривается на материале художественной прозы (текстов Ю. Тувима), где субъект речи и комментатор находятся на разных коммуникативных уровнях произведения. Показано, что иронический метаязыковой комментарий служит для дискредитации одной из коммуникативных инстанций повествовательного текста.

Ключевые слова: ирония; метаязыковые выражения; Юлиан Тувим.

1. Вводные замечания

Во второй половине XX века вербальная ирония неоднократно становилась предметом описания и анализа в качестве одного из механизмов небуквального воплощения смысла (наряду, например, с метафорой). Авторы, работающие в рамках традиционной риторики, широко понимаемой лингвистической семантики, прагматики, теории речевых актов, начиная с У. Бута и Г. П. Грайса, при всем разнообразии подходов к описанию механизма иронии, способов создания иронического эффекта и особенностей восприятия иронических высказываний сходились в том, что основным инструментом иронии и одновременно сигналом к необходимости иронического переосмысления является противоречие.

Это противоречие состоит в том, что буквальный, поверхностный смысл высказывания не соответствует контексту (словесному, стилевому, дискурсивному, событийному и т. д.). Адресат, сталкиваясь с указанным несоответствием и считая говорящего добросовестным коммуникантом (то есть прилагающим усилия к тому, чтобы коммуникация состоялась и была успешной), должен извлечь скрытый смысл, в той или иной степени противоречащий явному. Степень этого противоречия (противоположность или некоторое несоответствие), последовательность извлечения смыслов иронического высказывания, возможность сосуществования этих смыслов в сознании адресата, обязательность оценочного компонента — проблемы, которые по-разному решались в известных теориях вербальной иронии: описание иронии как одного из типичных нарушений Глобального принципа кооперации (Cooperative Principle) в [Grice, 1975], описание иронии как эхоической отсылки (The Echoic Mention Theory) в рамках теории значимо-

сти Д. Уилсон и Д. Спербера [Wilson et al., 1992], теория притворства (The Pretence Theory) Г. Кларка и Р. Геррига [Clark et al., 1984], теория прямого доступа (The Direct Access Account) Р. Гиббса [Gibbs, 1986], теория непрямого отрицания (The Indirect Negation Theory) Р. Джиора [Giora et al., 1998] и др., см. [Gibbs et al., 2007].

2. Речь как предмет иронии

Большинство авторов отмечает, что вербальная ирония предполагает выражение отношения говорящего к некоторому факту окружающей действительности; очевидно, что в качестве такого факта — стимула и предмета иронической оценки — чаще всего выступает человек во всем многообразии его свойств и характеристик, и прежде всего человеческое сознание. Одним из основных способов экспликации проявлений сознания (или шире — мировоззрения, менталитета) является высказывание на естественном языке, и поэтому неудивительно, что вербальная ирония часто представляет собой реакцию на реальную или воображаемую языковую упаковку мнения, убеждения, предрассудка, верования, представления, вывода или их комплекса.

Так, например, в рамках теории эхоической отсылки ироническое высказывание рассматривается как остраивающее цитирование созданного ранее (или такого, которое могло бы быть создано) речевого произведения; цитирование сопровождается выражением насмешки над автором этого произведения, содержательными или формальными характеристиками последнего и пр.:

(1) Питер уверял, что Билл отдаст Мэри долг, утверждая: *Bill is an officer and a gentleman*; Билл, однако, грубо отказался возвращать деньги; Мэри прокомментировала это следующим образом: *An officer and a gentleman, indeed* [Wilson et al., 1992, p. 60].

Речь может становиться предметом иронической рефлексии и в качестве отражения некоторого фрагмента внешнего мира (см. предыдущий пример), и сама по себе. Язык располагает широким репертуаром средств для описания и комментирования того, что говорится, как именно, кем, с какой целью и пр.; такие средства мы будем называть метаязыковыми выражениями. Эти выражения аккумулируют представле-

ния носителей языка о типичных способах коммуникации при помощи естественного языка, локуции, иллокуции и перлокуции (то есть особенностях произнесения, коммуникативном намерении и внеязыковом эффекте высказывания), статусах говорящего и адресата, о релевантных свойствах речевого действия или произведения (см. [Рябцева, 2010]).

Анализ иронически переосмысленных метаязыковых выражений представляется нам любопытным в частности потому, что в большом количестве случаев их естественным контекстом, обнаруживаемым в непосредственном соседстве, является комментируемое высказывание; это позволяет достаточно точно сформулировать оба противоречащих друг другу смысла — явный и имплицитованный.

Иронические метаязыковые выражения описывают цитату и оценивают ее как репрезентацию мировоззрения определенного типа (номинаруют речевое действие, речевое произведение, его часть, реакцию на него и одновременно выражают отношение к языковой сущности и связанному с нею сознанию, определенным образом характеризуют последнее). Таким образом, субъект речи (или тот, кто соглашается с комментируемым высказыванием, признает его истинность) противопоставлен комментатору, извлекающему на поверхность истинные интенции первого, которые обычно заслуживают неодобрительного отношения.

Следует еще раз подчеркнуть, что сосуществующие смыслы, поверхностный и извлекаемый адресатом или аудиторией, не обязательно симметрично противоположны: контексту может не соответствовать один из компонентов буквального значения метаязыкового выражения. Более того, ироническому переосмыслению может подвергнуться выражение, в семантической структуре которого отсутствует оценочный компонент, а следовательно, простая смена положительного знака на отрицательный невозможна.

(2) *Ślusarz był chudy, wysoki, z siwą szczecią na twarzy, w okularach na ostrym nosie. <...>*

— *Ano chyba. A teraz pufier trzeba lochować, czyli dać mu szprajc, żeby tender udychtować.*

Trzy razy stuknąłem młotkiem w kran, pokiwałem głową i stwierdziłem:

— *Nawet słychać (J. Tuwim. Ślusarz).*

Слесарь был худ, высок, с седой щетиной на щеках и в очках на остром носу. <...>

— Конечно! А теперь из-за этого пuffer придется раззенковать, шабровку ему дать, чтобы штендер законтрить.

Я трижды стукнул молотком по трубе, кивнул головой и констатировал:

— *Даже по стуку слышать* (пер. Асара Эппеля).

В примере (2) метаязыковое выражение *stwierdzić* ('powiedzieć coś, zwykle stanowczo i z przekonaniem' [USJP] / 'сказать что-либо, обычно решительно и с полной уверенностью') входит в противоречие с описываемой ситуацией и комментируемым высказыванием: стандартное, буквальное использование этого глагола предполагает, что констатирующий хорошо знаком с положением дел и имеет веские основания для того, чтобы характеризовать ситуацию именно таким образом. В данном случае герой-рассказчик маскирует свое невежество в области ремонта сантехнического оборудования и имитирует наличие специальных знаний с целью облегчить получение профессиональных услуг; у него, очевидным образом, нет оснований для полной уверенности в том, что характер стука свидетельствует о проблеме, описанной слесарем. Следует отметить, что другие компоненты значения глагола *stwierdzić* вполне соответствуют контексту и ситуации, а потому не подвергаются переосмыслению: (1) 'герой нечто говорит'; (2) 'он делает это решительно'.

Пример (2), кроме того, что он демонстрирует возможность частичного переосмысления семантической структуры метаязыкового выражения, подводит нас к вопросу о материале исследования. Номинация речевого действия или произведения, которая одновременно является комментарием к речи, и сама эта речь часто соседствуют в нарративных текстах, где мы имеем дело с изложением некоторой истории [Шмид, 2003, с. 13].

3. Метаязыковое ироническое высказывание в фикциональном нарративе Ю. Тувима

Стандартно прямая речь принадлежит персонажу фиктивного мира (в нефикциональных нарративах — реальному лицу), а метая-

зыковое выражение, при помощи которого эта речь вводится в текст и одновременно комментируется, — нарратору (стоит подчеркнуть, что комментируемое высказывание также предстает перед читателем в передаче нарратора). Нарратор, как известно, не является самостоятельной и конечной коммуникативной инстанцией: он находится в изображаемом мире и располагается уровнем ниже так называемого абстрактного, или, в другой терминологии, имплицитного, автора [Шмид, 2003, с. 53] (вероятно, можно утверждать, что в нефикциональных нарративах нарратор и абстрактный автор совпадают).

Материалом для исследования, результаты которого излагаются в данной статье, послужили, в частности, прозаические тексты польского писателя Ю. Тувима. Об иронии как важном инструменте творчества Тувима и, шире, игровом характере его произведений неоднократно писали исследователи (см., например, [Matywiecki, 2007; Parniewska, 2014; Sawicka, 1986]). «Среди этих категорий <...> следует обратить внимание на крайне важную с точки зрения творчества Тувима несерьезность. Несерьезность касается как способа существования, так и творчества. Для скамандритов важна стихия забавы, игровая деятельность — об этом свидетельствуют взаимные “подколы” и ирония над здравым рассудком, “переодевание”, шутка как способ существования и сами сатирические, абсурдные, шуточные произведения... (перевод наш. — *Е. С., М. Р.*)» [Sawicka, 1986, s. 104]. В прозаических текстах Тувима наряду с другими средствами создания иронического эффекта используются и метаязыковые выражения.

Иронический метаязыковой комментарий создает текстовую двуслойность, нелинейность; его использование служит для дискредитации одной из коммуникативных инстанций повествовательного текста: на первом этапе восприятия — комментирующей, повествующей (на том основании, что описание прямой речи противоречит ее форме, содержанию или другим характеристикам), на втором — комментируемой, «повествуемой» (поскольку упомянутое противоречие используется для выявления истинных, большей частью негативно оцениваемых интенций говорящего субъекта, для характеристики осуждаемого типа сознания) – см. (2). В случае, когда оценка речи персонажа, принадлежащая нарратору, не совпадает с авторской, дискредитируются обе подчиненные повествовательные инстанции — и персонаж, и нарратор:

(3) *Łupko wyciągnął z kieszeni blok i ołówek.*

— *Co mistrz sądzi o pięknie?*

Odpowiedziałem bez namysłu:

— *Wierzę w świetlaną przyszłość piękna.*

— *Cudownie! Cudownie! — szeptał Łupko, zapisując rewelacyjną moją odpowiedź* (J. Tuwim. Wywiad).

Łупко вытащил из кармана блокнот и карандаш.

— *Что маэстро думает о красоте?*

Я не колеблясь ответил:

— *Верю в лучезарное будущее красоты.*

— *Великолепно! Великолепно! — шептал Łupko, записывая небывалый мой ответ* (пер. Асара Эппеля).

В примере (3) диегетический (то есть присутствующий в повествуемом мире в качестве персонажа) нарратор, оценивающий собственную реплику, которая представляет собой красивую банальность, как необычайную и исключительную, дискредитирует себя и в качестве персонажа (искренне произносит избитые истины), и в качестве повествователя (не может верно оценить речь персонажа в эстетическом и содержательном отношении). Стоит подчеркнуть, что функции иронического метаязыкового выражения, разумеется, не ограничиваются дискредитированием персонажа или нарратора, передачей насмешливого или пренебрежительного отношения к персонажу, нарратору или типу сознания, воплощаемому в их речи: иронический метаязыковой комментарий может служить для демонстрации иронического модуса повествования в целом (см. (2) и (3)).

Итак, наивный, ограниченный нарратор комментирует речь персонажа всерьез, и только наличие в нарративе сигналов расхождения авторской оценки и оценки повествователя, заставляет читателя понять метаязыковое выражение иронически. Как уже было отмечено выше, ироническое переосмысление может коснуться любых компонентов значения метаязыкового выражения — не только собственно оценочных:

(4) *Zacznę od krótkiej, ale treściwej naukowej prelekcji na temat nawozów sztucznych w starożytności... Już starożytni Asyryjczycy nie znali sztucznych nawozów. <...> O nawozach sztucznych nie znajdujemy też*

wzmianek w papirusach egipskich, których nie należy mieszać z egipskimi papierosami (J. Tuwim. Skrzyńka rolnicza).

Начну с короткого, но содержательного научного комментария на тему искусственных удобрений в древности... Уже древние ассирийцы не знали искусственных удобрений. <...> Не находим мы упоминаний об искусственных удобрениях и в египетских папирусах, которые не следует путать с египетскими папиросами (перевод наш. — Е. С., М. Р.).

В данном случае при сопоставлении с достаточно длинным и не отвечающим заданной теме комментируемым текстом выявляется неадекватность характеристик *krótki* ('короткий') и *treściwy* ('богатый содержанием') — это заставляет читателя изменить знак оценки, встроенной в значение этих выражений, на противоположный и составить соответствующее мнение о рассказчике, чье представление о себе как об ученом-агрономе является объектом иронии. Еще больше авторитет рассказчика подрывает использование им для описания собственной речи выражения *naukowa prelekcja* ('научный комментарий'), которое явно не соответствует воспроизведенному им тексту.

В некоторых случаях сигналом иронии является само имя автора; здесь иронического переосмысления метаязыкового комментария требует читательский опыт, представление читателя об авторском мировоззрении:

(5) *Używaj aforyzmów ... „Są gusta i guściki”.* (Uwaga! Mów: „Biu-sta i biuściki” — **a będzie jeszcze śmieszniej.**)

Nie zapomnij o bąmocie: „Bardzo mi przynajmniej” (zamiast przy-jemnie). **Dobre powiedzonko i swoje zawsze robi** (J. Tuwim. Wskazówki dla dowcipniśców).

Используй афоризмы ... «О вкусах не спорят» (Внимание! Говори: «О бюстах не спорят» — **и будет еще смешнее.**)

Не забудь о бонмоте: «Мне очень прибавка» (вместо приятно). **Хорошее выраженьеце и всегда действует** (перевод наш. — Е. С., М. Р.).

В «Советах для шутников» автор надевает маску опытного остролова, самодовольного мещанина, комментирующего выбор нестандартных, шуточных языковых средств и советующего те из

них, которые, в его представлении, будут пользоваться наибольшим успехом у аудитории. Характеристики шуток и каламбуров (*будет еще смешнее, хорошее выраженьице*) принадлежат здесь не автору, для которого очевидна их неизысканность и пошлость, а «ограниченному рассказчику» [Падучева, 1996, с. 216]. Автор не подвергает сомнению уверенность рассказчика в истинности этих характеристик, но в то же время явно не присоединяется к положительной оценке текстов: «Ироническое отношение автора к своему повествователю — это феномен, который можно представить как запланированное автором участие читателя в интерпретации текста» [Там же]. Метаязыковой комментарий рассчитан на «идеального» читателя, способного разграничить оценки, принадлежащие автору и нарратору, и разделить злую авторскую иронию. Здесь мы имеем дело с «разнонаправленными двуголосыми словами», в понимании М. М. Бахтина, который, комментируя похожее словоупотребление, пишет: «В каждом пошлом эпитете рассказа автор через *medium* рассказчика иронизирует и издевается над своим героем» [Волошинов, 2000, с. 464].

3. Заключение

Итак, иронические метаязыковые выражения встроены в нарратив и могут характеризовать отношение не только нарратора к персонажу, но и автора к нарратору — в том случае, когда их оценки не совпадают. Контекстом, с которым рассогласуется поверхностный уровень значения метаязыкового выражения, выступают в данном случае речевые произведения персонажей, представленные в форме прямой речи, а также широкий событийный контекст, известные читателю личные качества героев и само имя автора, представление о его мировоззрении и идиостиле.

Литература

1. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка : основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов. — В книге : М. М. Бахтин. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка : статьи. — Москва : Лабиринт, 2000. — С. 349—486.
2. Падучева Е. В. Семантические исследования : семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива / Е. В. Падучева. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 464 с.

3. *Рябцева Н. К.* Метаязык речевого общения / Н. К. Рябцева // Моно-, ди-, полилог в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — Москва : Индрик, 2010. — С. 374—389.
4. *Шмид В.* Нарратология / В. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.
5. *Clark H.* On the Pretense Theory of Irony / H. Clark, R. J. Gerrig // Journal of Experimental Psychology : General. — 1984. — № 113. — Pp. 121—126.
6. *Gibbs R.* On the Psycholinguistics of Sarcasm / R. Gibbs // Journal of Experimental Psychology : General. — 1986. — № 105. — Pp. 3—15.
7. *Gibbs R.* Irony in Language and Thought : A Cognitive Science Reader / R. Gibbs, H. Colston. — New York : Erlbaum, 2007. — 607 p.
8. *Giora R.* Irony : Graded Salience and Indirect Negation / R. Giora, O. Fein, T. Schwartz // Metaphor and Symbol. — 1998. — № 13. — Pp. 83—101.
9. *Grice H. P.* Logic and Conversation / H. P. Grice // Speech Acts. — New York : Academic Press, 1975. — Pp. 41—58.
10. *Matywiecki P.* Twarz Tuwima / P. Matywiecki. — Warszawa : Wydawnictwo W.A.B., 2007. — 658 s.
11. *Parniewska J.* Parodystyczne gry kiczem i wrażliwość kempowa w *Jarmarku rymów* Juliana Tuwima / J. Parniewska // Zeszyty Naukowe Towarzystwa Doktorantów UJ. Nauki Humanistyczne. — 2014. — № 1 (5). — S. 119—135.
12. *Sawicka J.* Julian Tuwim / J. Sawicka. — Warszawa : Wiedza Powszechna, 1986. — 448 s.
13. *Tuwim J.* Jarmark rymów / J. Tuwim. — Warszawa : Czytelnik, 1958. — 666 s. (In Pol.).
14. USJP — *Uniwersalny słownik języka polskiego* / red. S. Dubisz. — Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003. — T. 1—4.
15. *Wilson D.* On Verbal Irony / D. Wilson, D. Sperber // Lingua. — 1992. — № 87. — Pp. 53—76.

Ironic Metalinguistic Expressions and Relations between Communicative Instances of Narrative Text (by Example of J. Tuwim's Prose)

© **Starodvorskaya Yekaterina Veniaminovna (2015)**, senior lecturer, Department of Russian Language and General Linguistics, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia), starodvor@gmail.com.

© **Rapach-Dolishnya Malgozhata (2015)**, lecturer, Department of Service and Service Technologies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia), starodvor@gmail.com.

The phenomenon of verbal irony is considered. It is seen as a complex and multidimensional phenomenon, which is realized in the text with the help of a wide repertoire of language and speech means at different levels. It is shown that the vast majority of ironic statements involve one or another reaction to a real or imagined speech. The authors proceed from the fact that the human mind, the main target of irony, is explicated in a manner making it possible to be examined and evaluated precisely in speech. Attention is paid to ironic metalinguistic expressions describing someone's quote (utterance) and evaluating it as a representation of the worldview of a certain type. Such ironic expressions nominate speech action, speech product, the reaction to it, and at the same time express the attitude to the statement and related consciousness, in a certain way characterizing the latter. It is proved that the subject of speech (or the one who agreed with the commented statement) is opposed to the commentator, removing the true intentions of the first on the surface. The described situation is considered on the material of prose (texts by J. Tuwim), where the subject of speech and commentator are at different communicative levels of the works. It is shown that an ironic metalinguistic comment serves to discredit one of the communication instances of narrative text.

Key words: irony; metalinguistic expressions; Julian Tuwim.

References

- Clark, H., Gerrig, R. J. 1984. On the Pretense Theory of Irony. *Journal of Experimental Psychology: General*, 113: 121—126.
- Gibbs R. 1986. On the Psycholinguistics of Sarcasm. *Journal of Experimental Psychology: General*, 105: 3—15.
- Gibbs, R., Colston, H. 2007. *Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader*. New York: Erlbaum.
- Giora, R., Fein, O., Schwartz, T. 1998. Irony: Graded Salience and Indirect Negation. *Metaphor and Symbol*, 13: 83—101.
- Grice, H. P. 1975. Logic and Conversation. *Speech Acts*. New York: Academic Press. 41—58.
- Matywiecki, P. 2007. *Twarz Tuwima*. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. (In Pol.).
- Paducheva, E. V. 1996. *Semanticheskiye issledovaniya: semantika vremeni i vida v russkom yazyke; semantika narrativa*. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).

- Parniewska, J. 2014. Parodystyczne gry kiczem i wrażliwość kempowa w Jarmarku rymów Juliana Tuwima. *Zeszyty Naukowe Towarzystwa Doktorantów UJ. Nauki Humanistyczne, 1 (5)*: 119—135. (In Pol.).
- Ryabtseva, N. K. 2010. Metazyzyk rechevogo obshcheniya. In: Arutyunova, N. D. (red.) *Mono-, dia-, polilog v raznykh yazykakh i kulturakh*. Moskva: Indrik. 374—389. (In Russ.).
- Sawicka, J. 1986. *Julian Tuwim*. Warszawa: Wiedza Powszechna. (In Pol.).
- Shmid, V. 2003. *Narratologiya*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russ.).
- Tuwim, J. 1958. *Jarmark rymów*. Warszawa: Czytelnik. (In Pol.).
- USJP — Dubisz, S. (red.) 2003. *Uniwersalny słownik języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. T. 1–4. (In Pol.).
- Voloshinov, V. N. 2000. Marksizm i filozofiya yazyka: osnovnyye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke. In: Bakhtin, M. M. *Freydizm. Formalnyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filozofiya yazyka*. Moskva: Labirint. 349—486. (In Russ.).
- Wilson, D., Sperber, D. 1992. On Verbal Irony. *Lingua, 87*: 53—76.